

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события вымышлены или художественно переработаны автором и не должны истолковываться как реальные.

Любое сходство с реальными событиями, местами, организациями и людьми, живыми или мертвыми, абсолютно случайно.

Пролог

Джерри Лейк была похожа на птицу со сломанным крылом: будто что-то маленькое, зеленое и пернатое, лежала она посреди лужайки и напоминала волнистого попугайчика. Одно ее колено было согнуто, тыльная сторона ладони в привычном жесте прижата ко лбу. Очень драматично. Типичная Джерри. Колготки ее были разорваны, перья взъерошены, блестки рассыпаны, а фигурные коньки упали рядом с ней на траву.

Младшие курсы думали, что это часть представления. Шутка. Розыгрыш.

— Замечательно, — воскликнули они, хлопая.

Они высовывались из окон общежития в пижамах, курили и ждали кульминации.

Через некоторое время мы выползли из своих укрытий, которыми служили кусты, сад и садовый ров, котельная, сарай садовника, ризница, спортзал. Закутанные в плащи и капюшоны, в разрезанных по шву платьях, по всем традициям босоногие, мы встали вокруг Джерри, словно ведьмы на шабаше.

Джерри конечно же была в спортивном купальнике, ее конский хвост все еще держался в собранном и аккуратно залакированном пучке, а рука оставалась прижатой ко лбу в красноречивом жесте.

Горе мне! Притворяется мертвой. К тому моменту нам уже надоели нескончаемые истерики, театральные хлопанья

дверьми, ее жалобы, поэтому никто и не подумал вызвать скорую или предупредить хозяйку дома. В нашу защиту могу сказать, что там не было ни капли крови.

— Очень смешно, Джеральдина, — скрестив руки под плащами, сказали мы высоким и резким тоном.

Мы смотрели на ее кукольные конечности, ее крошечные ножки и маленький нос, изгибающийся на конце, как трамплин. Голубые и золотые блестки, которые она всегда наносила перед выходом на лед, растеклись по щекам — влажное конфетти. Обычно угрюмо надутые губы уже не украшали лицо Джерри — ее рот был слишком широко раскрыт. Непривычно тихая, она смотрела в свое окно. Попугайчик, влетевший в стекло. Рядом с ее коньками лежала шпилька, веточка незабудки из поддельных сапфиров, дешевая и яркая, — талисман на удачу, который она носила во время соревнований, был сломан пополам.

Позже, когда Джерри попала на первые полосы новостей, а журналисты прятались за каждым кустом, некоторые из нас предположили, что она сделала это специально. Со злости. Хотела испортить нам веселье. Выступления на льду разоггли в ней жажду постоянно находиться в центре внимания, так что это было в духе Джерри — устроить сцену. Избалованный ребенок, она искала внимания повсюду и была склонна рассказывать сказки. Одним из многочисленных прозвищ Джерри на тот момент было Ядовитый гном.

Поэтому тогда, глядя на нее, мы сначала лишь закатили глаза и демонстративно зевнули.

Перья ее костюма развевались на ветру.

Некоторые из нас вдруг заметили пучок плюща в ее сжатом кулаке.

Странно вывернутое колено.

Темный круг, появившийся между ее бедер, как чернила на наших промокашках, медленно полз по ластовице ее купальника.

— Ради бога. Вставай, — сказали мы уже менее уверенно.

Мы толкали ее босыми ногами. Застенчиво хихикали.

— Джерри?

Наши плащи из плотной черной шерсти внезапно стали тяжелыми. Наши рваные летние платья — потрепанными

Элли Итон

и тонкими. Пальцы ног занемели от холода. Наши коричневые туфли, подвешенные за шнурки на плакучий кедр, закручивались под порывами ветра, стуча каблуками. Странно, что все это помнится даже сейчас, хотя прошло немало времени. И наша домовладелица, что несется по лужайке, ревя как корова. И синие мигалки, носилки, шейный бандаж. И горстка враждебно настроенных местных жителей, уже дежурящих у ворот. По дороге мы робко подняли с травы сломанную шпильку Джерри и замерли возле каталки, несмотря на явное раздражение медработников. Один из них, тот, что был в тюрбане, с презрением разглядывал нашу изорванную форму, плащи, капюшоны. Когда они увозили Джерри прочь, наш кортеж шел за носилками с ее талисманом на удачу. Некоторые из маленьких золотых листьев шпильки-веточки были изогнуты, а один камень потерялся.

— Держи, — сказали мы.

Руки и плечи Джерри были привязаны к доске, ее подбородок выступал над толстым белым шейным воротничком, как у хористки, а сама она выглядела абсолютно смиренной.

Ее тело напряглось.

Ноздри раздулись.

— Ладно, девочки, достаточно.

Мы попятились назад, все еще сжимая шпильку.

Наконец, наше последнее воспоминание о Джерри Лейк, столь непохожее на фотографии в воскресных газетах, где она сияла на льду и обнимала трофей, словно пластиковая кукла с прекрасной улыбкой, — наш последний взгляд перед тем, как двери скорой помощи захлопнулись. Ее кулаки смялись в маленькие белые шарики, лицо исказилось, а губы сильно растянулись, обнажая клыки, которые она обычно пыталась скрыть.

Я — Божественная.

Моя мать была Божественной, и ее мать — тоже, что неудивительно. Однако это было в те времена, когда статус Божественного что-то значил: считался престижным, чем до сих пор любит хвастаться моя мама; открывал многие двери; помогал пробиться в обществе. Хотя трудно сказать, какие из этих бонусов получила моя мать, кроме замужества. Возможно, я не понимаю сути.

Я не разговариваю с другими Божественными уже четырнадцать лет, может быть, больше, несмотря на то что в наши дни в интернете много возможностей найти «своих», стоит лишь захотеть. Я не хочу.

Каждое Рождество и Пасху я возвращаюсь в Англию, чтобы навестить мать, которая в свои шестьдесят продолжает хранить для меня в уборной на нижнем этаже копии наших *Old Girls' newsletter** рядом с *Country Living*** . И каждый приезд сюда — это рождения, смерти, браки, редкие спортивные достижения, продажа лошадей и конечно же

* *Old Girls' newsletter* — журнал под редакцией ассоциации Old Girls, которая помогает разным поколениям выпускников поддерживать связь друг с другом и участвовать в жизни своей школы.

** *Country Living* — американский журнал о жизни за городом и домашнем хозяйстве.

Элли Итон

встречи. Бесконечные встречи, ни на одной из которых я не присутствовала до тех пор, пока мы с мужем не поехали в свадебное путешествие. Тогда я настолько резко свернула с дороги, что он на мгновение подумал, будто мне нехорошо.

— Мы просто посмотрим, — сказала я. — Это не займет много времени.

Сначала — небольшое путешествие по закоулкам моей памяти, а затем мы продолжим путь.

Я ползу на нашем арендованном автомобиле по Оксфордширу, кружу вокруг того места, где когда-то была моя школа, и склоняюсь над рулем, пытаюсь сориентироваться. Это куда сложнее, чем я представляла. Все совсем не так, как я помню. Большую часть территории сровняли с землей. Исчез тренажерный зал, математический блок, научные лаборатории из красного кирпича — все, кроме тех зданий, которые, как считается, имеют историческую ценность: старинного особняка и пары пансионатов, разделенных на квартиры для молодых специалистов. Я паркуюсь возле часовни, которая сейчас, судя по всему, является частной стоматологией. Мой муж, с которым я обручилась два дня назад, сбит с толку: предвкушая долгую поездку в Шотландию, он совершенно не рассчитывал на эту спонтанную остановку.

— Это то место?

— Дай мне полчаса, — говорю я, сжав его руку, а после указываю ему в сторону паба *White Horse**.

Когда он уходит, я захожу в здание клиники и прохожу мимо молодого администратора в приемную, покрашенную в стоматологически-зеленый цвет. Вокруг раздаются звуки работы дантиста: пронзительный звон, скрип и высокий металлический скрежет. Деревянная скамейка, на которую я сажусь, похожа на ту самую скамью, на которую однажды во время воскресной службы упали алтарники, едва различимые в дымке ладана. Помещение бывшей часовни полностью адаптировано под клинику. Кабинки вдоль нефа сделаны из низких подвижных стенок, украшенных огромными лицами улыбающихся во все зубы детей. Органные трубы все еще виднеются на балконе позади хоровых кабинок,

* The White Horse — «Белая лошадь».

Комплекс прошлого

которые кажутся настолько маленькими, что в них едва ли поместится горстка девушек. На неподвижной каменной кафедре, где Толстая Фрэн, моя директриса на протяжении шести лет, ежедневно выступала со своими заявлениями, сложены стопки стоматологических брошюр, женские журналы, глянцевые издания о питании и образе жизни, в выпуске которых в свое время участвовала и я. Опершись головой на каменную стену, я смотрю на сводчатый потолок. Это так сюрреалистично — медсестры входят и выходят из ризницы в своих туфлях на мягкой подошве, словно монахини. Все это так знакомо, но в то же время совсем не так, как было раньше.

За моей головой находится череда очень узких и длинных витражей, доходящих до самых балок. Я не вспомню, что на них изображено, пока не повернусь и не посмотрю, но не буду делать этого даже под дулом пистолета. Меня повергает в шок осознание того, что, глядя в эти окна всю свою юность, каждое утро на протяжении почти пяти лет, за исключением суббот, я не помню ни одной детали, ни одного святого или апостола, ни даже Того Самого. Отличный показатель всей глубины подростковой одержимости самим собой, в данном случае моей. Воспоминания о моих школьных днях, которые в лучшем случае выборочны, говорят о том же.

Пока я сижу на скамейке, из кабинки выходит девушка, стиснув между зубами кусок ваты и держась рукой за щеку. Трясущаяся на своих высоких каблуках, ошеломленная, она подходит к свободному месту рядом со мной. Ассистент стоматолога идет за чем-то важным, возможно, за рецептом, а взгляд пациентки блуждает по сводчатому потолку и железным канавкам. Антураж часовни создает довольно пугающую атмосферу для пациентов — ангелы, кафедра, витражи, — возможно, девушка думает, что у нее галлюцинации. Кровь из пустой лунки медленно стекает по марле в ее руке. Наверное, мы с ней одного возраста. Она могла учиться в школе имени Короля Эдмунда. Девушка не сводит пустого взгляда с неоновой вывески выхода и будто ждет, когда ее заберут.

Над дверью ризницы на деревянном прямоугольнике высечен девиз школы Божественных.

MEMOR AMICI

Помни друзей своих.

— Ха, — фыркаю я вслух.

Пациентка медленно поворачивается ко мне. Ее движения все еще заторможены после лекарств, а рука по-прежнему крепко прижата к щеке. Она моргает.

Я пытаюсь сглотнуть, сгибаясь пополам и едва сдерживая смех, который всегда застает нас врасплох в самые неподходящие моменты: похороны, проповеди, открытие выставки жениха.

Мои плечи трясутся, а скамья подо мной начинает дрожать. Девушка внезапно встает, и ее сумочка со всем содержимым падает на пол.

— Ох, черт, мне ужасно жаль. — Я вижу, как ее помада катится в сторону кафедры. — Извините, извините.

Я подношу к груди кулак и слегка ударяю, чтобы проглотить смех.

— Извините.

Я пытаюсь поднять сумку, протягивая ее девушке.

— Раньше здесь была школа, — выпаливаю я, просто чтобы что-то сказать. — Святого Иоанна Богослова.

Бедная женщина слегка кивает потяжелевшей головой, забирая сумочку. Она смотрит на сообщение, высветившееся на экране ее телефона, а затем через плечо на дверь, проверяя, не пришли ли за ней. Я полагаю, ей не разрешили садиться за руль в таком состоянии.

— Частная школа, — продолжаю я. — Та самая, что закрылась, об этом писали в газетах давным-давно, помните? Был скандал.

Она смотрит на меня так, будто никак не может сфокусировать взгляд. Прошло достаточно много лет, и моя речь перестала быть похожей на речи Божественных. Время от времени я жила за границей, поэтому иногда мой акцент довольно трудно определить, но все же, что-то заметив, девушка осматривает меня с головы до ног, и ее глаза вспыхивают. Она знает.

— Ага, — отвечает она. Пока она говорит, вата во рту на мгновение сползает, обнажая омерзительные кровавые десны. — И? Моя мама работала на кухне. — Она показы-

Комплекс прошлого

вает на место за нашими спинами, где раньше была старая трапезная. — Шестнадцать лет драила чертовы сковородки, если хочешь знать.

Правая часть губы у нее провисает, отчего ее речь похожа на пьяное бормотание.

— Кучка наглых чертовых мажоров.

Она возвращает вату на место и зажимает между зубами в ожидании моего ответа. Конечно же она права. Но чего она ждет от меня? Что я повалю ее на пол, защищая собственную честь?

Я думаю о своем муже Юргене, который ждет меня в пабе. Он знает, что значит позволить моменту завладеть тобой. Юрген пацифист и совсем не из тех, кого легко спровоцировать. Несмотря на то что из нас двоих творческая натура он, с периодическими вспышками гнева бороться приходится мне — муж остается спокойным в любой ситуации. Когда мы встретились, в моей жизни только закончился период, в котором не было места ни стабильности, ни умиротворению, ни постоянному дому, поэтому, уставшая и опустошенная, я нашла эту особую разновидность его взвешенного спокойствия крайне соблазнительной. Именно в это я и влюбилась. В последнее время я очень стараюсь перенять хладнокровие Юргена. Плюс мы молодожены. И это наш медовый месяц. Нет, я не клюну на эту провокацию.

К счастью, в дверях часовни появляется бритый налысо мужчина, свистит и показывает на женщину большим пальцем. Она уходит, и ее высокие каблуки резко стучат по кафельному полу, маршируют по нефу, мимо ризницы и через арочную дверь.

MEMOR AMICI

На какое-то время я замираю на ступеньке Причастия, а затем тоже ухожу. Мой муж — ох, это слово такое неприличное — ждет меня на улице, засунув руки в карманы, опираясь на капот взятой напрокат машины, и медленно жует. Я чувствую прилив облегчения, когда вижу, что он стоит там, такой важный, но честный и открытый и ни разу не Божественный. На нашем первом свидании он, увидев

Элли Итон

протекающую трубу на моей кухне, закатал рукава и попросил гаечный ключ. Юрген прагматик, поклонник списков.

— Все хорошо? — интересуется он.

Я киваю. Повернувшись спиной, я прислоняюсь к груди Юргена, а он обнимает меня за талию и прижимает подбородок к моей макушке. Часовня остается позади меня, и я прокручиваю в голове этот недолгий разговор с девушкой. Я не должна была сюда возвращаться. Мне неловко от того, что я привезла его сюда, что посмела потратить даже час нашего медового месяца на что-то столь бессмысленное. Момент ностальгии уже прошел. Мы смотрим на каменную статую короля Эдмунда неподалеку от автобусной остановки. Пять голубей борются за место наверху его шлема, подпрыгивая и ныряя, толкаясь пернатыми локтями. Они взмахивают потрепанными серыми хвостами и гадят Эдмунду на плащ. Мимо нас на рыночную площадь проходит пожилая женщина, таща за собой клетчатую тележку для покупок. Торговцы держат бананы в крючковатых пальцах и громко зазывают покупателей. Три старика в твидовых куртках стоят у букмекеров и курят. Я вдруг остро осознаю, что моему мужу, австрийцу, все это, должно быть, кажется таким английским.

Юрген вытаскивает из бумажного пакета ириску и кладет мне в рот.

— Ладно. Было круто. Поехали.

Муж проверяет крепления на своем велосипеде, привязанном к багажнику машины, и, пока он туго перетягивает раму, лысый мужчина на красной «Мазде» поворачивает в нашу сторону и резко останавливается, перекрывая дорогу. Окно с тихим гулом опускается вниз, и та самая девушка из стоматологической клиники склоняется в его сторону и почти ложится ему на колени. Нижняя часть ее лица, исказившись, застыла в гримасе боли.

— Привет, — весело говорит мой муж, слегка присаживаясь на корточки. — Мы можем вам помочь?

Австрийцы, особенно такие деревенские болваны, как он, патологически хорошие люди. Я видела, как он каждую неделю выкапывал из снега машину абсолютно незнакомого

Комплекс прошлого

человека и выносил мусор нашего соседа, не получая в ответ никакой благодарности.

Женщина в «Мазде» показывает ему средний палец.

Она пристально смотрит на меня — свою главную цель и выглядывает из окна, будто забыла сказать мне что-то важное там, в часовне.

— *Тварь*, — прошипела она, шепелявя все еще распухшим языком.

— Ха! — смеюсь я нервно. — Ха-ха-ха!

У моих ног падает кровавая слюна — ее плевков почти достиг цели. Убедившись в этом, они уносятся прочь.

Что ж, так оно и есть. Четырнадцать лет прошло, и ничего не изменилось. Она горожанка. Я Божественная.

— Боже мой, — говорит мой муж. — Зефина, кто это был?

Уперевшись руками в бедра, он смотрит на дорогу, по которой уехала «Мазда».

— Это была какая-то шутка, боже мой?

— Забудь, — униженно отвечаю я. — Поехали.

Я легонько подталкиваю его к машине на случай, если эта банши* решит вернуться. Я не хочу, чтобы она глазила наш медовый месяц. Два дня назад мы обменивались клятвами в ратуше, ухмыляясь друг другу, как идиоты, окрыленные.

— Но я не понимаю, ты знаешь ее?

— Нет, вовсе нет.

Я провожу рукой по его бедру, вынимая ключи из его кармана.

Быстро открыв машину, я сажусь за руль. Юрген опускается рядом на пассажирское сидение, качая головой.

— Значит, она из твоей школы, давняя подруга?

Я завожу машину.

— У меня нет школьных друзей.

Он хмурится, как будто впервые узнал об этом.

— Нет? Почему нет?

* Банши — образ в ирландской и шотландской мифологии, фея с длинными белыми волосами, чей крик или плач предвещает скорую смерть. Иногда используется в значении «женщина, которая ведет себя неподобающе, слишком резко высказывается, громко и некультурно говорит».

Элли Итон

Конечно, у меня есть друзья, но самые старые и самые преданные из них те, с которыми я познакомилась в университете или после его окончания, когда у меня появилась возможность выбирать самостоятельно. Плюс друзья моего мужа, но почему-то именно мужчины, а не их жены, например. Благодаря своей исключительной любезности, добродушным голубым глазам австрийца и очевидному очарованию Юрген всегда был более социальным человеком, чем я. Но в то же время он всегда рад возможности провести вечер дома, поработать в своей студии или позаниматься велосипедами. Иногда мы ходим на открытие выставок или проводим что-то вроде экскурсий для гостей города, в котором находимся, или встречаемся с моим старым редактором на бранче. Я могу по пальцам сосчитать почти всех своих друзей. Но ни один из них не является Божественным.

— Не знаю, — говорю я ему, пожимая плечами, и поворачиваю ключ в замке зажигания. — Просто нет.

В Йоркшире мы останавливаемся на ночь в отеле типа «постель и завтрак» и утром с трудом встаем с кровати с балдахинном. Мы переодеваемся, не теряя времени на душ, чтобы успеть на завтрак, и врываемся в столовую за мгновение до окончания обслуживания. Хозяйка, суровая женщина с надменным видом, напоминающая мою бывшую домовладелицу, стоит, уперев руки в бедра, и хмуро смотрит на часы. Мы застенчиво садимся на свои места, стараюсь не смеяться. На другом конце комнаты две женщины, одетые в шорты и прогулочные ботинки, изредка отрывают взгляд от карты города. Мужчина средних лет намазывает маслом тост для своей матери. Рядом с нами — пожилая пара, они улыбаются и поднимают бокалы с апельсиновым соком.

— Поздравляю, — говорит женщина, наклоняясь и хлопывая Юргена по руке.

— Это так очевидно?

Мужчина и женщина понимающе улыбаются друг другу.

Футболка Юргена вывернута наизнанку, волосы растрепаны. Когда мы соприкасаемся друг с другом под столом, я чувствую запах между своих бедер, кисло-мускусный, как перезрелые фрукты. Я съеживаюсь, думая о нашей комнате на чердаке, о тонких, как бумага, стенах, скрипящем карка-

Комплекс прошлого

се кровати, и утыкаюсь головой в плечо Юргена. Хозяйка ставит перед нами чайник на стол.

Юрген спрашивает у пары, как долго они женаты.

— Вечность, — протягивает старик.

Женщина машет в его сторону салфеткой.

— Пятьдесят четыре года в сентябре, — говорит она.

Я чувствую пальцы Юргена, когда они переплетаются с моими, чувствую, как его обручальное кольцо царапает мои суставы, когда он сжимает их, заставляя меня вздрогнуть.

— Дадите совет? — спрашивает Юрген.

Они берут со стола ключ от номера, газету и очки. Муж встает и отодвигает стул жены, чтобы она могла подняться.

— Будьте добры друг к другу, — говорит жена, и они улыбаются нам.

— Удачи.

Когда мы выезжаем из отеля, Юрген останавливается перед хозяйкой и целует меня, его рука скользит по линии моих брюк, а затем мы берем машину и снова отправляемся в путь. Я начинаю думать, что неприятный инцидент в Сент-Джонсе забыт, что та ужасная сцена осталась позади. Как вдруг неожиданно...

— Нет школьных друзей, — говорит Юрген, скользя рукой вверх-вниз по моему бедру, когда я выезжаю на автостраду. — Это интересно, знаешь?

Я вижу, что мужа это озадачивает, и уже жалею, что упомянула что-то о Божественных. Он не может оставить эту мысль в покое. Юрген постукивает пальцем по стеклу, пока мы пересекаем границу с Шотландией, и задумчиво разглядывает нетронутую природу, зеленые поля с желтыми вставками масличного рапса, тупики, склады и придорожные кафе, грузовики с едой, припаркованные на остановках для отдыха. У нас впереди еще четыре часа езды до острова Скай, не говоря уже о пароме.

— Ни одного? — уточняет он неожиданно настойчиво.

— Нет.

— Как так?

Все четверо его лучших друзей родом из той же деревни в Зальцбурге, где он вырос. Андреас, Ханси, Томас Б., Томас Ф. Двое из них были крещены вместе, они ходили в одну

Элли Итон

школу, выкуривали свою первую сигарету в сарае Ханси, воровали шнапс у бабушек и дедушек, гонялись за первыми подружками в ночь Крампуса, маскируясь и рыча, они притворялись рождественскими дьяволами и похлестывали по щиколоткам своих возлюбленных кожаными плетками, угрожая унести их в подземный мир. Вместе, впятером, они проливали кровь, охотились, пьяные плакали на свадьбах друг друга, даже шатались по танцполу, как медведи, тоже вместе. Они — его семья, они даже ближе, чем его настоящие братья (один старший, другой младший, и мне каждый раз приходится напоминать Юргену поздравить их с днем рождения). Он предан им до мозга костей и готов на все ради них, начиная прыжком с самолета, заканчивая займом крупной суммы денег без всякой надежды на возврат (это меня особенно раздражает).

— Над тобой издевались? — продолжает пытаться меня Юрген, когда мы останавливаемся, чтобы заправиться бензином.

— Нет. Я так не думаю.

— Тогда что, ты была непопулярна? — Он тычет в меня пальцем. — *Eine Streberin*. Как вы там говорите, «ботаничка»?

— Нет.

Я сжимаю ручку помпы так, что мои суставы бледнеют.

— Так, значит, ты любила школу?

— Кто вообще любит школу? Там было нормально, — рывкаю я, сразу сожалея о своем тоне. — То есть я не помню. Мы можем не говорить об этом?

Когда я возвращаюсь за руль, он кладет руку на мой затылок и прижимает к себе, чтобы успокоить, и проводит большим пальцем вверх и вниз под моим ухом. У него мозоли — маленькие круглые подушечки на основании каждого пальца от езды на велосипеде, грубые, как пемза.

— Ты не знаешь, нравилось тебе в школе или нет? Ты должна помнить хоть что-то.

— Не особо, — отвечаю я, освобождаясь от объятий Юргена, взволнованно пытаясь сосредоточиться на дороге.

— Попробуй, — говорит он.

Я не отвечаю.